

Новость о возвращении Цзи Мяня нужно было сообщить Му Юймань и Сунь Ци. Однако этот Лунный Новый год стал для Му Юймань и Гу Тина первым после свадьбы, поэтому они улетели отдыхать в одну из романтических южных стран и должны были вернуться лишь через пару дней.

Сунь Ци в этом году отправился на праздники на родину Сюй Сяосяо и тоже задерживался.

Такое положение дел было Дуань Чжо только на руку. Он буквально ни на шаг не отступал от Цзи Мяня, сопровождая юношу, куда бы тот ни направился.

Сам же Цзи Мянь еще не до конца привык к смене их статуса. Прежде он относился к Дуань Чжо с тем почтением, что питают к старшим, привыкнув смотреть на него снизу вверх. Теперь же их отношения внезапно стали равными, и порой ему даже казалось, что инициатива негласно перешла в его руки.

Иногда стоило ему просто позвать: «Брат», как Дуань Чжо необъяснимым образом запечатлевал на его губах поцелуй. Это всегда происходило неожиданно и порой заставляло Цзи Мяня теряться.

Шестого числа первого лунного месяца большинство трудящихся, нагруженных багажом и полными сумками домашних деликатесов, от которых невозможно было отказаться, отправились в разные города навстречу новому рабочему году.

В полдень, когда ярко светило солнце, Цзи Мянь спустился на улицу, чтобы немного погреться, и увидел не меньше двадцати человек, спешно идущих мимо с чемоданами в руках.

Дуань Чжо уступил ему свой шезлонг, а сам пристроился рядом на маленьком складном табурете Цзи Мяня. С его высоким ростом и длинными ногами сидеть на такой низкой скамеечке, поджав колени, было до нелепости тесно.

Цзи Мянь невольно прищурился от смеха. Его светло-каштановые пушистые волосы, казалось, светились в лучах солнца. Этот образ в памяти Дуань Чжо наслои́лся на картину многолетней давности. Он смотрел на юношу, не отрываясь, и думал о том, как же это прекрасно — знать, что эта улыбка принадлежит только ему.

Мимо мастерской прошел молодой человек в тяжелом пуховике. Он тащил черный кожаный чемодан, а через плечо у него был перекинут набитый вещами полосатый баул, совершенно не вязавшийся с его обликом.

— Когда ты уезжаешь? — спросил Дуань Чжо.

— Не знаю. Думаю, останусь до Праздника фонарей. В университете сейчас особых дел нет, так что, может быть, задержусь до конца февраля.

Дуань Чжо прикинул в уме: до конца февраля оставалось еще полмесяца.

— А как же компания? Ты ведь там на стажировке?

Хотя последние месяцы Дуань Чжо ни разу не спрашивал о делах Цзи Мян напрямую, стоило Му Юймань или Сунь Ци упомянуть его имя, как он, притворяясь безразличным, вслушивался в каждое слово внимательнее, чем кто-либо другой. Поэтому он был в курсе, что юноша проходит практику.

— Стажировка закончилась перед Новым годом. Перед тем как сесть в поезд, я со всем разобрался и заодно съехал с квартиры.

Говоря это, Цзи Мян снова взглянул на Дуань Чжо, ютящегося на маленьком табурете, и не сдержал улыбки:

— Брат, давай всё-таки поменяемся местами.

Он привык к тому, как это было раньше: Дуань Чжо сидит здесь на солнце, а он устраивается рядом и украдкой дремлет.

— Сиди... — Дуань Чжо поднялся. — Пойду поработаю.

Послепраздничное время всегда было самым напряженным: нужно было разбираться с заказами, накопившимися за каникулы. На следующий день после возвращения Цзи Мян Дуань Чжо перестал принимать новые заказы, оставив лишь несколько несрочных броней на период после марта.

Однако те заказы, что скопились до Нового года, откладывать было нельзя. Последние дни Дуань Чжо беззастенчиво проводил на третьем этаже, даже не открывая дверей мастерской. Но бесконечно тянуть время было невозможно — сроки поджимали.

Дело было даже не в деньгах, просто он не любил нарушать обязательства. Дуань Чжо всегда сдавал работу вовремя — это правило он унаследовал от деда. Это была крошечная, но важная традиция их старой лавки, и Дуань Чжо хотел её сохранить.

Цзи Мян очень хотелось помочь, но за четыре года в университете его навыки мастерства откатились до того же уровня, что был в самом начале. Сейчас он мог разве что снимать стружку... Наверное, ему было бы трудно вырезать фигурку даже из картофелины.

— Я мог бы... помочь обтесать дерево, — сокрушенно произнес он.

Уголок губ Дуань Чжо приподнялся. Он взял правую руку Цзи Мяня и принялся поглаживать его необычайно мягкие подушечки пальцев.

— Не нужно.

Твои руки созданы для того, чтобы держать перо.

Улучив момент, когда на улице никого не было, Дуань Чжо быстро коснулся губами кончиков его пальцев.

Цзи Мянь замер в оцепенении.

Дуань Чжо выпрямился:

— После трех, как похолодает, поднимись наверх. На улице зябко.

Он давал наставления, но его взгляд продолжал блуждать по лицу и волосам Цзи Мяня — он никак не мог заставить себя уйти.

Юноша лишь послушно кивнул:

— Угу.

Дуань Чжо закончил дела в мастерской только к восьми вечера. Всё это время Цзи Мянь то поднимался, то спускался обратно, пристраиваясь рядом с братом и просто наблюдая за его работой. Однако после шести Дуань Чжо всё же выставил его наверх. В мастерской не было отопления, а Цзи Мянь плохо переносил холод — даже с включенным кондиционером он начинал дрожать. Увидев, как тот поеживается, Дуань Чжо тут же отправил его в тепло.

В восемь десять, прибравшись и заперев лавку, он миновал второй этаж и поднялся сразу на третий. Если Цзи Мянь задержится здесь еще на несколько месяцев, Дуань Чжо всерьез задумается о том, чтобы окончательно перебраться на третий этаж.

Толкнув дверь в спальню, он увидел Цзи Мяня: тот сидел на кровати в пижаме, поджав ноги под одеяло. Поверх одеяла лежала закрытая книга. Обычно он ложился позже, но из-за холода и отсутствия центрального отопления — в южных домах его почти не бывает — ему пришлось пораньше забраться в постель.

Он только что закончил читать и теперь со скучающим видом крутил в руках зажигалку Дуань Чжо, которую тот забыл днем в спальне. Цзи Мяннь подражал привычным движениям брата: открывал и закрывал крышку, прислушиваясь к чистому металлическому щелчку.

Дуань Чжо замер на пороге, прикрывая дверь. Эта картина вызывала у него чувства, сравнимые с теми, что испытываешь, когда видишь любимого человека в своей рубашке на голое тело — хотя, конечно, в этом случае сходство было лишь отдаленным.

— Брат, — Цзи Мяннь на мгновение поднял голову и снова опустил её, крутанув металлический корпус в руках и продолжая свою незатейливую игру.

Дуань Чжо, не раздумывая ни секунды, произнес:

— Если нравится — оставь себе.

Цзи Мяннь растерянно моргнул:

— Но я ведь не курю.

— Пустяки. Просто дарю тебе.

Цзи Мяннь почувствовал, что они говорят на разных языках.

— Брат, у тебя ведь только одна зажигалка? — вдруг спросил он, о чём-то догадавшись.

— Угу.

Цзи Мяннь тут же крепко сжал в ладони холодный металл и осторожно прощупал почву:

— Если ты отдашь её мне... ты ведь не будешь покупать новую?

Дуань Чжо, сдерживая улыбку, ответил:

— Не буду.

А это означало лишь одно: он собирается бросить курить.